

Колыбельная

На триста пятом этаже,
Когда ты крепко спишь уже,
По крыше ходит смело
Кот сине-черно-белый.
Он двухметровой высоты,
Как все нормальные коты,
С зелеными усами
И рыжими глазами.
Кот в серебристой тишине
Считает пятна на луне.
Всему тому виновник –
Транзисторный приемник.
Там чудо-музыка слышна,
Она кота лишает сна.
Играет песня эта
С полночи до рассвета.
Но только в небе рассветет,
Как сине-черно-белый кот
Уснет, чтоб к ночи снова
К прогулке быть готовым.

Тот кот живет давно уже
На триста пятом этаже.
Ему совсем неважно,
Что дом пятиэтажный.

Царевна-лягушка

Сердце слепое, наивное, девичье!
Слишком похож был Дурак на Царевича.
Счастье звала, да обиду накликала.
Знать бы тогда, что стрела была липовой.
Все отдавала, сокровищ не прятала.
Что ж ты, Иванушка, в душу – с лопатой!
Квакай, не квакай – судьбу не разжалобить.
Что же ты? Как же ты? Видела, знала ведь!
Сказка короткая, счастье мгновенное.
Трудно опять становиться царевною.
Кожа лягушачья с болью сдирается.
Мясо и кровь под ней, а не красавица.

Синее

На подоконник, промелькнув
Прозрачной тенью,
Присела птичка – синий клюв
И оперенье.

Дрожит озябшее крыло.
Насыплю крошек.
Не улетай! Здесь так тепло!
Поешь с ладошек.

Застыла в воздухе душа.
И, чуть живая,
Стою, от страха не дыша
И не моргая...

Герда

Холодом веяло с облака белого.
Милый мой, славный мой, что она сделала?
Волосы, пальцы, любимые линии –
В инее, в инее, в инее, в инее.

Бейся об айсберг, сердечко красавицы –
Лёд не расколется. Кай не раскается.
Снег не растопят потоки горячие.
Плачу я. Плачу я. Плачу я. Плачу я.

Девочка Герда. Бесстрашная. Гордая.
Горе рассыпалось градом по городу.
Боль, словно молот, колотится в голову.
Холодно. Холодно. Холодно. Холодно.

Смолкла морзянка зубная морозная.
Слёзы стеклянные. Тьма коматозная.
Сердце в груди затвердело и замерло.
Замертво. Замертво. Замертво. Замертво.

Гусеница

С отражением в трюмо
Пореву украдкой.
Не люби, хороший мой,
Гусеницу гадкую.

Отползу судьбе назло
От критичных зрителей.
Мне спокойно и тепло
В коконе спасительном.

Не пытайся днем с огнем
Отыскать бегляночку.

Я вернусь к тебе. Потом.
Если стану бабочкой.

Любимому

Наполнив радостью бокал,
Не пью одна.
Самой мне хватит и глотка,
А ты – до дна.

Плесни в стакан свою печаль,
Тревогу, грусть.
Я выпью зелье, словно чай,
Не поделюсь.

Так хочется любви... Ну, дай любви!
Ты думаешь, что лучше встретишь где-то?
Взгляни, скажи хоть слово, позови,
И я, как говорится, на край света!

Ну, дай любви! Мне так она нужна!
Малыш, ведь я же лучше, чем собака!
Возможно, я - неважная жена,
Но классная любовница, однако.

Пойми, ты предназначен мне судьбой!
Не зря же ты приснился мне в сочельник.
Ну что ты все качаешь головой?
Не дашь любви? Ну, дай хотя бы денег!

Я слышу пенье синекрылых птиц,
Когда морозный воздух сняв в прихожей,
Ты лаской разливаешься по коже,
Спугнув губами сон с моих ресниц.

Осваиваю азбуку слепых -
Тебя читаю кончиками пальцев.
На синюю канву в оконных пятаках
Накладывает стужа новый штрих.

Небрежность русских прядей теребя,
Стряхну твои вчерашние печали.
Как долго я жила, не замечая,
Что мир неполноценен без тебя.

Птица

Я – необычная, редкая птица.
Я не боюсь стать безвольной и жалкой,
В едком тумане твоём заблудиться,
Сгинуть в пламени жарком.

Я не боюсь поменять оперенье
Или летать навсегда разучиться
И позабыть птичьи игры и пенье.
Я – бесстрашная птица.

Я не боюсь беспощадных и метких
Стрел твоих, пущенных в самое сердце.
Но... так боюсь покидать эту клетку.
Вдруг захлопнется дверца.